

«МГ» продолжает публиковать автобиографические очерки жителя немецкого Ганновера Якова Фарбера, известного организатора здравоохранения, хирурга, заслуженного врача РФ, писателя, журналиста и краеведа, основателя музея истории медицины в Тамбове и победителя нашего Литературного конкурса им. М.А.Булгакова 2011 г. Предыдущие очерки были связаны с пресловутым «делом врачей» и медицинской практикой в 50-е годы прошлого века.

Помещик Рахманинов и его больница

Каждую среду во второй половине дня я отправлялся в районный центр Шехмань на ВТЭК и обычно сам запрягал лошадку и сам ею управлял. Но как-то нашему конюху Георгию Митрофановичу Шибину, понадобилось поехать в Шехмань, и мы отправились вместе. За какие-то два часа нашей неторопливой езды я многое узнал, беседуя с интересным человеком.

Попросил, прежде всего, рассказать, что он знает о владельце нашего старого имения, где находится больница, и вот что услышал:

– Помещик Иван Иванович Рахманинов происходил из знатного дворянского рода, чья родословная восходит к господарю Молдавии Стефану IV Великому. Это именно та ветвь Рахманиновых, родовое поместье которых находилось в Старой Казинке и которую прославил Иван Герасимович Рахманинов, прозванный «вольтерьянцем» за то, что в подвале своего дома печатал произведения Вольтера ещё тогда, когда в обеих столицах ни одна типография не бралась издавать произведения «французского вольнодумца». Отец Ивана Ивановича был известным профессором математики, ректором Киевского университета.

В начале XX века Старая Казинка перешла по наследству Ивану Ивановичу, но он там практически не жил. По окончании Киевского университета он остался работать в клинике для туберкулёзных больных. Выбор специальности фтизиатра был не случаен. Дело в том, что вскоре после женитьбы туберкулёзом заболела его жена, и страстное желание её вылечить подтолкнуло к выбору именно фтизиатрии. Проводимое в России лечение ошутимого эффекта не давало, и тогда он принял решение отвезти её в лучшую клинику Швейцарии. Так вся семья оказалась в Давосе, где они прожили восемь лет, там же молодой врач совершенствовал свои познания в лечении туберкулёза. Однако тоска по родине не оставляла всю семью Рахманиновых, и в 1912 г. было принято решение возвратиться в Россию. Местом для проживания была выбрана не Казинка, а принадлежащий ему отделённый уголок тамбовской земли – деревня Бычок на берегу маленькой речушки с одноимённым названием. Именно здесь Иван Иванович решил построить большой двухэтажный, современной конструкции дом, в котором было предусмотрено размещение квартир на втором этаже, а весь первый этаж отвести под туберкулёзную больницу для крестьян. Инвентарий и сантехническое оборудование заказывалось в Германии и Франции.

Георгий Митрофанович сам не лечился в этой больнице, но кому-то из родственников довелось, и тот рассказывал, что больные лежали на белых простынях, ежедневно в палату приходила экономка и у каждого спрашивала, что он желает «на завтра откушать», и эти пожелания записывала в книжечку. Кормили в основном продуктами собственного производства. При больнице было солидное подсобное хозяй-

ство с разнообразной скотиной и птицами, был огород, а за парком был отведён участок земли под лекарственные растения.

Крестьяне очень любили своего доктора, и в годы великой смуты 1917-1920 гг. не тронули ни одного строения Бычковской усадьбы. Более того, в город Козлов (ныне Мичуринск. – Ред.) были направлены крестьянские «ходоки», они добились от уездного исполкома разрешения на открытие в Бычке медицинского пункта, которым долгие годы заведовал доктор

своеобразной маскировкой, ведь хорошо известно, какая судьба была у граждан СССР, побывавших в плену.

Как-то, проезжая небольшую деревню Мордовка, я спросил Георгия Митрофановича:

– Почему народ живёт так бедно? Ведь не тундра же здесь, а чернозёмный край. Я уже побывал во многих сёлах и деревнях района, и каждый раз испытывал необыкновенную горечь, поражаюсь убожеству крестьянских жилищ – почти все дома саманные,

Закрытая статистика

Вскоре мне представилась возможность поехать в Тамбов, и я решил зайти в архив и, по возможности, проверить достоверность рассказа Георгия Митрофановича. В архив меня, конечно, не пустили. Оказывается, для работы с архивными документами нужен допуск, который должен выдать КГБ по ходатайству районного отдела здравоохранения. Посчитав, что эта бюрократическая процедура мне не подходит, я отправился

старожилы помнят Ивана Ивановича, его отзывчивость и безотказность. Помнят они также его доброту не только как врача, но и как рачительного хозяина, который приходил на помощь крестьянам в трудные для них дни. Известны случаи, когда из барских закровов беднякам безвозмездно отпускалось перед севом зерно.

Сейчас помощи ждать им неоткуда, напротив, центральные власти всё более наращивают нормы налогообложения. Трудно приходится сельчанам. После

Далёкое – близкое

Горькая правда о деревнях Тамбовщины

Её поведал больничным конюх



Рахманинов. В начале 30-х годов ему было предложено организовать противотуберкулёзный диспансер в Козлове, что он и сделал с присущей ему неумной энергией. Сейчас Иван Иванович на пенсии и по-прежнему живёт в Козлове. После такой новости мне страстно захотелось познакомиться с этим человеком, но осуществить задуманное удалось только через год.

Почему так бедно?

Чистая, культурная речь Георгия Митрофановича и его осведомлённость во всех делах района меня тогда поразили, и я попросил моего собеседника рассказать о себе. И вот что мне поведал больничным конюх. Сам он местный уроженец и в своё время уверенно стоял на верхних ступеньках районной иерархической лестницы. Начинать с комитета бедности, затем возглавил райвоенкомат. Когда Тамбовщина входила в состав Центрально-Чернозёмной области, Георгия Митрофановича перевели на партийную работу в Воронеж. Во время Великой Отечественной войны, когда летом 1942 г. немцы рвались к этому городу, Шибина уполномочили оказать помощь местным органам власти Острогжска в эвакуации ряда предприятий. Эту работу он выполнил, но, действуя по принципу «капитан последний уходит с корабля», оставался на вверенной ему работе до конца и угодил немцам в плен. Он мне не говорил, был ли репрессирован после освобождения Острогжска, но в 1952 г. работал больничным конюхом, а когда главный врач предложил перейти на работу завхозом, то долгое время не давал согласия. Такое трудоустройство являлось, с моей точки зрения,

вросшие в землю по самые окна. Кроме здания почты, все хатёнки покрыты соломой, оконные рамы перекошены. Многие дома не имеют сени, и, открывая дверь с улицы, сразу приходишь в жилое помещение. Я уже побывал в нескольких домах по вызовам, и в некоторых из них до сих пор земляные полы. Ранней весной, чтобы сберечь народившихся овец и телят, их брали в избу. Мысль люди в

корытах, бань в деревнях нет. В 8 часов вечера улицы пустеют, а в домах темно, даже свечку не зажигают. Народ пребывает в унынии, ни палисадника впереди дома, ни деревца, ни кустика.

– А, что же вы хотите? Сколько можно давить на деревню и души крестьянина? Крестьян обложили налогами «по самое не хочу». Налоги на молоко и мясо, на землю и воду, а трудодни – это палки в тетради бригадира. Установленный налог с каждого фруктового дерева привёл к полной вырубке садов. Приусадебные участки, на которых выращиваются овощи и табак, кормят не только сельскую семью, но и город. На городских рынках колхозной продукции с гулькин нос, а в основном на прилавках овощи, молоко и мясо из частных крестьянских хозяйств, которые целенаправленно подвергаются давлению со стороны государства.

А ведь в этих деревнях и сёлах в своё время жизнь была ключом. В каждом селе действовала православная церковь. Вот здесь, в Мордовке, был конный завод, выращивали лошадей-полукровок, которые закупались конезаводчиками и перепродавались на конной ярмарке в Нижнем Новгороде. Такой же конный завод был и в Бычке. Во многих сёлах и деревнях безотказно работали мельницы. Только у самых нерадивых при доме не было сада.

Сказать откровенно, я тогда усомнился в правдивости рассказа Георгия Митрофановича. Глядя на убогие жилища, на безлюдные улицы, трудно было себе представить, что когда-то здесь кипела жизнь, что работали конные заводы и мельницы, что по воскресеньям принаряженные крестьяне направлялись в церкви.

к моему стародавнему другу Владимиру Ивановичу Ушакову, работавшему в букинистическом отделе книжного магазина на Коммунальной улице, в надежде найти у него какую-нибудь книгу дореволюционного издания со статистическими данными того времени. И не ошибся! Когда я рассказал о своей работе в Бычковской больнице, Владимир Иванович расхохотался, и даже вышел из-за прилавка, подошёл ко мне и спросил:

– А, знаете ли, доктор, с кем вы разговариваете? Нет, не знаете. А разговариваете вы с человеком, который вполне мог бы быть владельцем Бычковского поместья, но судьба распорядилась иначе. Дело в том, что мой тесть Иван Иванович Рахманинов, которому, по-настоящему принадлежал Бычок, ещё до революции перестроил барский дом под больницу, и надо полагать, что это спасло его от той горькой участи, которая досталась практически всем помещичьим усадьбам.

Я, в свою очередь, рассказал Владимиру Ивановичу о том, как попал в Бычок, о том, что кроме главного врача, терапевта по специальности, и меня, хирурга, в районной больнице больше нет врачей-лечебников, поэтому помимо своей хирургической деятельности приходится работать и за акушера, и за гинеколога, и за уролога. Одним словом, я «и жнец, и косец, и на дуде игрец». Но я ни в коей мере не жалуюсь на такую нагрузку, напротив, мне такая универсальная работа очень даже нравится.

После моего рассказа обещал помочь. Через два дня я вновь пришёл в магазин, и Владимир Иванович вручил мне книгу «Тамбовская губерния. Список населённых мест по сведениям 1862 года. Санкт-Петербург, 1866».

Мы тут же раскрыли книгу и, как сейчас молодёжь говорит, «выпали в осадок». В каждом селе – православная церковь, базары или ярмарка. Наличие церкви определяло статус населённого пункта: церковь есть, значит, село, нет церкви – деревня. Во многих сёлах – мельница, в некоторых владельческих населённых пунктах работали конные заводы, разводили также тонкорунных овец. На ограниченном пространстве губернии, в селениях, вошедших в состав Шехманской волости, мы насчитали 9 церквей, 8 мельниц, 4 конных завода, 2 завода тонкорунных овец. «Вот это да!» – сказали мы в один голос. В наше время даже трудно себе представить наличие подобной инфраструктуры в сельской местности.

Я рассказал также о том, что

коллективизации у крестьянства пропал интерес к сельскохозяйственной работе в колхозе, интерес к своему личному хозяйству. Повсеместно проявляется интерес только к вину. Самогоноварение – самый выгодный вид деятельности. Самогон изготавливается почти в каждом доме, несмотря на то, что это строго наказуется. Гонят его в основном ночью. Часть изготовленной продукции идёт на продажу, а часть на собственные семейные нужды, а в семье пьют все: от мала до велика. Когда я говорю от мала, я имею в виду даже грудничков. В деревнях есть испытанный способ успокоения кричащего в люльке ребёнка: хлебный мякиш, завернутый в марлю, обмакивается в самогон и засовывается в рот малышу вместо соски. Действует безотказно.

Никогда не забуду ужасный, трагический случай, который дополняет картину безудержного пьянства. Вскоре после моего приезда в Бычок на исходе тёплого августовского дня ко мне вбежал молоденький солдатик весь в слезах и попросил спасти его отца. Я быстро вышел во двор и увидел лежащее на подводе бездыханное тело сравнительно молодого человека. Ищу пульс на сонной артерии – его нет, а сын мне кричит: делайте же что-нибудь, он ещё тёплый. Зрачки расширены и на свет уже не реагируют, но чтобы как-то успокоить сына, я начал делать искусственное дыхание, колотил ребром ладони по межрёберным промежуткам в области сердца. В какой-то момент мне показалось, что сердце ответило на мою примитивную реанимацию одним или двумя толчками. В это время к больнице подъехал ветеринарный врач Сергей Фирсанов. Я попросил его помочь мне в реанимации.

Ещё полчаса мы вместе возвращали к жизни отца несчастного юноши, который сквозь слёзы всё время повторял, что тот погиб из-за него. Нам всё-таки удалось его «оживить». И потом мы попросили сына рассказать, что означает его слова «погиб из-за меня».

– Ну как же, месяц назад я извещил своих, что за примерную службу мне разрешили отпуск на две недели. Отец на радостях нагнал 15 литров самогона для встречи, а когда сели за стол, он сразу выпил залпом стакан и ничего не ел, потом ещё и ещё... Мы с матерью ему говорили – хватит, а он твердил всё одно и то же: «Не каждый год сын приезжает». Вот и встретили меня...

Что тут скажешь в утешение?

НА СНИМКЕ: Мария Васильевна и Георгий Митрофанович Шибина у столетней липы в барском парке.